

УДК 314.17:33

Золотухин И.Н.
Zolotukhin I.N.

Китайская бизнес-диаспора в Юго-Восточной Азии

Chinese Business-Diaspora in the Southeast Asia

Данная статья посвящена оценке деятельности, положения и влияния китайской бизнес-диаспоры в экономической и политической сфере принимающих сообществ Юго-Восточной Азии. Уделяется внимание сложной роли хуацяо как проводника интересов Китая и возможного инструмента доминирования КНР в Юго-Восточной Азии и как самостоятельного игрока в мировых международных процессах .

Ключевые слова: *Китайская бизнес-диаспора, хуацяо, принимающее сообщество, Юго-Восточная Азия*

The article focuses on the estimation of the position, activity and influence of the Chinese Business-Diaspora on the economic and political sphere of the Southeast Asian host communities. The complicated role of Huaqiao both as a conductor of the interests of the China and possible mechanism of Chinese domination in the Southeast Asia and as an independent actor on the global international processes is considered.

Key words: *Chinese Business-Diaspora, huaqiao, the host community, the Southeast Asia*

Ни для кого не секрет, что успехам в социально-экономическом развитии Китай во многом обязан своим зарубежным соотечественникам, инвестиционные вливания которых способствовали колоссальному приросту ВВП КНР и помогли создать фундамент, на котором зиждется международные амбиции современного китайского государства, претендующего на глобальное лидерство.

В настоящее время представители китайской диаспоры распространены по всему миру. Численность китайского населения, проживающего за пределами Поднебесной, по разным оценкам превышает 50 миллионов человек, причём 70% из них - более 30 миллионов, проживает в странах Юго-Восточной Азии (ЮВА). Зарубежных выходцев из Китая часто именуются термином хуацяо, который использовался ещё Цинской династией для обозначения эмигрантов из Китая, чтобы укрепить их связи с родной культурой и цивилизацией [5, p. 45] и внушить представление о зарубежных китайцах как о благородной и уважаемой группе, что не совсем уязвлялось с восприятием китайского населения в ЮВА как «азиатских евреев». ЮВА, благодаря высокой концентрации китайского населения, превратилось в родное место хуацяо.

В настоящее время существует официальное определение этого термина, например, в Законе о защите прав и интересов эмигрантов,

вернувшихся на родину и родственников соотечественников, проживающих за границей [1], но понятие китайской диаспоры шире и имеет глубокие исторические корни.

Приобретая массовый характер с середины XIX века, иммиграция из Поднебесной в ЮВА привела к возникновению небольших по численности китайских анклавов, которые изрядно преуспели в предпринимательской деятельности, по сути, колонизируя прибыльные отрасли экономики принимающих стран и территорий. Ещё бывший премьер-министр Малайзии Махатхир Мохаммад в своей работе «Малайская дилемма» отмечал, что «...китайцы - не только люди с миндалевидными глазами, но также и хорошие бизнесмены» [3, с. 84]. Действительно, бизнесмены-хуацяо весьма успешны и наиболее активно они проявляют себя в экономике стран ЮВА. В начале XXI века их суммарное состояние оценивалось в 1,5 трлн. долларов США, а к настоящему времени достигло 4 трлн. Из 200 богатейших людей мира 16 являются представителями китайской диаспоры в ЮВА. Нельзя не отметить «всеядность» китайского бизнеса: из пищевой и текстильной отраслей и мелкой торговли он постепенно переключился на недвижимость, строительство, страхование, а затем на банковскую сферу, международную торговлю, логистику, телекоммуникации.

В целом этнические китайцы контролируют 70 % накопленного богатства в ЮВА, составляя в этом субрегионе 6 % общего населения. Китайские деловые круги создали крупнейшие миллиардные многопрофильные холдинги в Сингапуре, Таиланде, Малайзии, на Филиппинах; они являются важными игроками в банковской сфере, управляя финансовыми потоками и инвестируя средства в строительство, недвижимость, торговлю, разработку новых технологий; китайский бизнес добился успеха и на фондовых рынках. Благодаря деятельности предпринимателей-хуацяо в ЮВА пришёл крупный бизнес, а также инвестиции из Китая.

Жизнеспособность китайской бизнес-диаспоры коренится не только в её традиционной предприимчивости и стремлении занять определённую нишу в экономической сфере. Китайская бизнес-диаспора сама по себе является азиатской формой глобализации, обладая собственной, весьма успешной «культурой капитализма». Для неё характерна паутиноподобная структура коммуникации, благодаря которой строятся глобальные транснациональные сети. Таким образом, зарубежные китайцы создали самую настоящую «невидимую империю», не имеющую границ.

Другой сильной стороной китайского бизнеса является его прагматизм и нацеленность на результат. Практика инвестирования средств на Родину, которая была характерна для деловых кругов зарубежных китайцев издавна, исходила помимо патриотизма из корыстных интересов: капиталовложения в Китай сулили баснословные барыши на фоне благоприятного инвестиционного климата, потребительского рынка и низкой себестоимости рабочей силы. Безусловно, это не умаляет заслуг хуацяо, денежные вливания которых помогли осуществлению реформ 1980-90-х годов и сохранили прирост ВВП КНР даже в условиях мирового кризиса.

Также следует учитывать высокую степень мимикрии и гибкости китайской бизнес-диаспоры к разным условиям, и её способность адекватно реагировать как на внутри, так и на внешнеполитические вызовы. Китайская бизнес-диаспора гибко реагирует на особенности социально-культурного окружения. Она успешно пережила ассимиляционную и дискриминационную политику ряда стран ЮВА, сохранив свою этническую самобытность и культуру (порой, не говоря по-китайски). Хуацяо даже выгодно не отличаться от представителей этнического большинства принимающего общества, как, например, в Таиланде, где китайцы

стали элементом тайского национального мейнстрима. Есть мнение, что местные сообщества стран ЮВА с неохотой принимают участие во властных структурах представителей китайской диаспоры, и деятельность этнических китайцев в основном ограничивается сферой экономики [2, с. 26]. Однако практика китайской полигамии и смешанных браков в принимающих обществах, малоисследованный в научных кругах феномен, тоже может приоткрыть завесу успеха китайского бизнеса, особенно в сфере лоббирования интересов через родственников-полукровок, ставших представителями администрации.

В этом аспекте необходимо упомянуть такой щекотливый момент, как связи китайского бизнеса с организованной преступностью - мафиозными кланами-триадами, успешно орудующими в странах с высоким уровнем коррупции, в том числе в ЮВА. Триады обеспечивают нерасторжимость и целостность китайского бизнеса, выступая своеобразной теневой стороной – Инь, но в то же время заставляют обращать внимание на проблему преступности и правоспособности зарубежных китайцев.

Обладая экономическим потенциалом, бизнесмены-хуацяо имеют рычаги влияния на политическую сферу страны проживания. Именно поэтому Пекин стремится воздействовать на ведущих китайских магнатов стран ЮВА. С другой стороны, китайская бизнес-диаспора осознаёт свою интегрированность в принимающем обществе, и подчинение внешнему влиянию, пусть даже в форме «голоса Родины», вряд ли отвечает её жизненным интересам, хотя периодические демарши она себе может позволить: после антикитайских погромов в Индонезии в 1998 г. страну покинули сотни тысяч хуацяо, лишив экономику Индонезии 80 млрд. долларов, переведённых на зарубежные счета; после инцидента у острова Хайнань в апреле 2001 года, во время которого один из китайских истребителей-перехватчиков потерпел катастрофу, в Бангкоке прошла антиамериканская демонстрация.

Своим поведением хуацяо стремятся минимизировать синофобию, восприятие китайского населения как фактора «китайской угрозы», который в настоящее время популярен в странах ЮВА из-за усиления совокупной мощи Среднего государства и из-за постоянного увеличения числа китайской диаспоры в регионе. Безусловно, хуацяо (особенно новые иммигранты) стали меньше интегрироваться в культурный мир стран субрегиона, часто не учат местные языки. Заметно, что на фоне успехов Китая в экономике и политике популярны идеи превращения юаня в региональную валюту, а китайский язык – в общепринятое средство общения в рамках зоны свободной торговли стран ЮВА и КНР. Ещё одним дополнительным поводом для тревоги является кажущаяся целостность китайской зарубежной общины, члены которой обладают культурной и психологической общностью и развитой системой пересекающихся связей, позволяющих им действовать как единый организм в любой стране.

Китайская диаспора действительно отличается сплочённостью, однако деловая среда заставляет бизнесменов-хуацяо конкурировать друг с другом, что вряд ли способствует консолидации внутри китайской зарубежной общины. Что касается растущей популярности китайского национализма в ЮВА, то пока он имеет «дремлющий характер», поскольку явная демонстрация прокитайских идей вряд ли будет воспринята позитивно в принимающих обществах. А среди китайских бизнес-кругов скорее преобладают транснациональные интересы, тем более, что того требуют сложные механизмы взаимодействия и вовлечённости в мировую экономическую систему. Можно констатировать, что китайские коммерсанты рассматривают политическую сферу только из соображений выгоды, но в этом отношении тем сильнее они заинтересованы в успехах

на международной арене своей исторической родины.

С момента возникновения КНР его руководство стремилось использовать китайцев, проживающих за рубежом, в целях укрепления внешнеполитических позиций государства, продолжая считать их своими гражданами. Однако в странах ЮВА проблема гражданства китайцев носила острый характер, особенно в период «культурной революции» в Китае, когда китайцы, проживающих за рубежом, были признаны Пекином составной частью населения КНР, что привело к проведению в государствах ЮВА антикитайских мер в экономике и политике.

С конца 1960-х годов руководство КНР демонстрирует способность оперативно реагировать на ситуацию, в частности выражая готовность пойти на ликвидацию статуса «двойного гражданства». В свою очередь, китайскую общину, проживающую за рубежом, призывали соблюдать местные законы и обычаи. В 1980 году в КНР был принят Закон о гражданстве, сочетающий «принцип крови» и «принцип почвы» и не признававший «двойного гражданства». Устранение проблемы «двойного гражданства» существенно снижало напряжённость в отношениях между странами ЮВА и КНР, а также между хуацяо и местным населением.

Пекин проводит прагматичную линию поведения в отношении хуацяо, давая им преимущество в отношении прочих иностранных инвесторов. Китайское правительство создало более 50 индустриальных зон специально для китайцев, вернувшихся из-за рубежа. Но, кроме того, за последние 10-15 лет руководство КНР стало рассматривать китайскую диаспору не только как важный источник инвестиций и технологий, но и как инструмент глобальной политики.

Пекин строит отношения с китайскими организациями (от культурных ассоциаций до богатейших деловых групп) по всему миру и прямо призывает хуацяо расширять связи между Китаем и развивающимися странами. Вопросами по зарубежным соотечественникам на государственном уровне занимаются Канцелярия ВСНП по делам хуацяо, Канцелярия Госсовета по делам хуацяо, Комитет ВК НПКСК по связям с Сянганом, Аомэнем, Тайванем и хуацяо, партия Чжунго Чжигундан и Всекитайская ассоциация реэмигрантов. Их работа координируется и курируется ЦК Компартии КНР.

В апреле 2012 г. на встрече Ху Цзинтао с 570 представителями хуацяо из 110 стран и регионов китайское руководство выразило готовность к дальнейшему расширению культурных обменов между Китаем и зарубежными странами, осуществлению публичной дипломатии и построению гармоничных сообществ хуацяо, чтобы показать позитивный образ китайской культуры, современного Китая и китайцев, проживающих за рубежом [4].

Пекин отдаёт себе отчёт в том, что китайская диаспора может способствовать не только утверждению образа КНР как миролюбивой и ответственной державы, но и способствовать усилению экономической интеграции и утверждению культурного влияния Среднего государства в ЮВА.

В целом опыт Китая демонстрирует успешное использование и вовлечение к сотрудничеству колоссального ресурса, который сам превратился в независимого геополитического и геоэкономического игрока.

Секрет успеха диаспоральной политики Китая кроется в инерции сохранения символических связей зарубежных китайцев с исторической родиной. В будущем Китай также будет использовать этот неисчерпаемый ресурс с выгодой для себя, в том числе продолжая облегчать возможности для хуацяо не только инвестировать деньги, но и реэмигрировать в КНР. Вероятно, что, в конце концов, Китай всё-таки введёт двойное гражданство.

Учитывая экономические и демографические проблемы, с которыми сталкивается и столкнётся Россия, особенно со вступлением в ВТО, «китайский вариант» извлечения пользы от помощи со стороны зарубежных соотечественников был бы очень кстати. В отношениях с хуацяо Китай исходит из правила - укрепление диаспоры укрепляет позиции Родины. Русская диаспора насчитывает более 25 миллионов человек и по своей численности занимает второе место после китайской. Русские живут практически на всех континентах (хотя большинство проживает в странах СНГ – Украине, Казахстане (50% русской диаспоры) и в США (более 3 млн. человек). Грамотное использование потенциала наших зарубежных соотечественников может убить одним выстрелом двух зайцев: развитые коммуникации с русской диаспорой помогут создать позитивный образ России, что немаловажно хотя бы для привлечения зарубежных партнёров; привлечение рук, знаний и капиталов зарубежных соотечественников поспособствует развитию экономики нашей страны.

Но в ситуации с русской диаспорой всё гораздо сложнее. Во-первых, русская диаспора более аморфна и в силу этого чаще всего употребляют термин «зарубежные соотечественники» или «выходцы из России», невзирая на их этнические корни. Во-вторых, нашим соотечественникам не хватает организованности и механизма взаимодействия со страной-пребывания, а также внутренней сплочённости. Наконец, особенности менталитета не позволяют бизнесменам из России, проживающим за рубежом, вкладывать деньги в развитие державы, да и наш родной бизнес чаще всего предпочитает выводить капиталы в «тихие гавани» оффшоров.

Само отношение к Родине у выходцев из России двойственно: с одной стороны, они ищут сохранения контактов с Россией, а не создания институтов поддержки в стране пребывания, но, в то же время, признают, что они и их предки покидали страну, в которой не видели будущего (китайские эмигранты сохранили образ Родины, причём Родины униженной и оскорблённой иностранными варварами и внутренними врагами, которая нуждалась в поддержке).

Поэтому России необходимо изменить свою политику в отношении зарубежных соотечественников, признать их неотделимой и равноправной частью российского государства. Руководство страны должно осознать ошибки прошлых лет и, главное, признать единство русской диаспоры. Но даже если существенно укрепить духовные связи зарубежных соотечественников с Россией, всё равно этого будет недостаточно для того, чтобы они стали воспринимать свою историческую родину как то место, которым можно гордиться. Чтобы создать диаспору, ориентированную на интересы России, государственные структуры нашей страны должны не только оказывать помощь русским и русскоязычным за рубежом, но и активно взаимодействовать с представителями диаспоры, расширяя формальные и неформальные контакты.

Литература

1. Кто такие китайские эмигранты [Электронный ресурс]. URL: <http://zhidao.baidu.com/question/5195165.html> [Дата обращения: 18.06.2012 г.]

2. Ларин А. Китай и китайская диаспора// Азия и Африка сегодня. 2007. № 10. С. 22-28.
3. Mahathir Bin Mohamad. The Malay Dilemma. 1st Edition. Singapore, 1970 (Reprinted in 2008 with New Preface). 236 p.
4. President meets leaders of overseas Chinese organizations [Электронный ресурс]. URL: http://english.gov.cn/2012-04/09/content_2109393.htm [Дата обращения: 18.06.2012 г.]
5. Wang Gungwu. The Chinese Overseas: from Earthbound China to the Quest for Autonomy. Cambridge: Harvard University Press, 2000.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Kto takie kitajskie ehmiigranty [Электронный ресурс]. URL: <http://zhidao.baidu.com/question/5195165.html> [Дата обращения: 18.06.2012 г.]
2. Larin A. Kitaj i kitajskaya diaspora// Aziya i Afrika segodnya. 2007. № 10. С. 22-28.
3. Mahathir Bin Mohamad. The Malay Dilemma. 1st Edition. Singapore, 1970 (Reprinted in 2008 with New Preface). 236 p.
4. President meets leaders of overseas Chinese organizations [Электронный ресурс]. URL: http://english.gov.cn/2012-04/09/content_2109393.htm [Дата обращения: 18.06.2012 г.]
5. Wang Gungwu. The Chinese Overseas: from Earthbound China to the Quest for Autonomy. Cambridge: Harvard University Press, 2000.